

К ВОПРОСУ ВОЗРОЖДЕНИЯ СОСЛОВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Принята всенародным голосованием

12 декабря 1993 г.

Вопрос о сословности в современной России относится к одной из наиболее традиционных областей социологического знания, а именно к исследованиям социальных классов и групп и во многом дополняется сегодня новыми аспектами, такими, например, как формирование нового культурного облика социума в современных теориях социальной стратификации (1). Проблема выстраивания социально-классовой структуры в современной России сегодня вновь среди наиболее актуальных и волнующих. Она становится еще более уместна сейчас, когда наметились общие контуры социального расслоения в обществе и в современной теории стратификации заходит речь о ведущих критериях социального членения, о роли предпринимательства, среднего класса, фермерства, политической и экономической элиты в российской социальной жизни.

Следует отметить, что формулы дифференциации российского общества, находящегося на сегодняшний момент, в так называемом, «переходном состоянии», выглядят удивительными и малообъяснимыми, несмотря на то, что социальные подвижки в современном российском государстве обрели конкретные фиксированные формы.

В сформированном интеллектуальном поле одновременно сосуществуют противоположные и контрастные суждения о системе социальной стратификации, претерпевающей кардинальную трансформацию со времен советского периода. Особую дискуссию вызывают такие понятия, как становление среднего класса в России, формирование экономических

классов, «конец» классов в России и многие другие. В дискуссии по проблеме социально-классовой структуры современной России должны принимать участие представители многих наук, таких как социология, экономика, юриспруденция, культурология, история и в том числе генеалогия. Прежде чем изложить ту или иную позицию по этой проблеме необходимо в общих чертах представить основные социологические концепции социально-классового неравенства в досовременном (домодерном) и современном (модерном) обществах и применить их к России. В данной статье предпринята попытка представить идею возрождения сословного деления общества в современной России только в рамках социологического и генеалогического подходов.

Общепринятые положения в мировой социологической мысли описывают общества двумя типами: досовременные (домодерные) и современные (модерные). Если до 1917 года Россию можно было бы представить вполне «классическим» домодерным обществом, то период более чем в 70 лет, с 1917 по 1990 годы, не поддается однозначному определению в меру специфичности социальных процессов, в большей степени обусловленных ушедшею в прошлое советской властью. Период в котором Россия пребывает после 1990 года, опять таки, вряд ли можно рассматривать как некий модерн, применительно к которому подходили бы модернистские социологические концепции, выработанные в мировом сообществе для благополучных государств. В первую очередь потому, что общество модерна имеет как индустриальную капиталистическую экономику, как демократическую политическую организацию так и соответствующую социальную структуру, в основе которой лежат весьма определенные социальные *классы*.

Рассмотрим некоторые аспекты проблемы социальной структуры России, не вдаваясь при этом в экономические и политические нюансы. С нашей точки зрения, сегодня нельзя говорить о четко выраженной *классовой* структуре российского общества. В этом смысле марксовская парадигма теории социальных *классов* и *классовой* борьбы сейчас отходит в советское прошлое. Применительно к интерпретации российской социальной действительности больше подходит концепция социальной стратификации немецкого социолога М. Вебера. Его понятия «статуса» (3) и «культурного стиля» как нельзя емко отражают сложившуюся ситуацию. Так, по М. Веберу: «... в противоположность чисто экономически детерминированной "классовой ситуации" мы понимаем под "статусной ситуацией" любой типичный компонент жизненной судьбы людей, который детерминирован специфическим, позитивным или негативным социальным оцениванием почести» (4). Говоря о почести, М. Вебер поясняет: «По содержанию статусную почесть можно выразить следующим образом: это специфический стиль жизни, который ожидается от тех, кто высказывает желание принадлежать к данному кругу людей» (5). М. Вебер отмечает, что в отличие от классов статусные группы являются нормальными сообществами, т.е. существуют не только «на бумаге». Идеи М. Вебера, связанные

со статусом и стилем жизни индивида в обществе, имеют свое продолжение и в социальных теориях конца XX века.

Современная трактовка стиля жизни, вне всякого сомнения, отличается от классической. В последней трети XX века «стиль жизни» приобретает дополнительные смыслы и означает индивидуальность, самовыражение, разрушение строгих правил и появление широких возможностей для выбора моделей поведения в социальной среде. Представление о современном классе не отменяется, не вычеркивается, не вытесняется на периферию социологического анализа, но переформулируется, критически переосмысливается в изменившейся социокультурной ситуации.

Понятия, предложенные М. Вебером, получают гибкую интерпретацию. Например, статус, по мнению известного британского социолога Б. Тернера (6), может быть рассмотрен во-первых, как легально-политическое понятие, отражающее факт появления современного государства в отношении к гражданскому обществу. Во-вторых, - как культурное измерение социальной стратификации, как стиль жизни, т.е. совокупность культурных практик, которые выражаются в языке, стиле одежды, манерах поведения и т.д. В-третьих, экономический класс признается как относительно независимый параметр. Классовые различия в современном социуме обусловлены неравенством в доходах, в обладании богатством и другими материальными благами (таким как пенсии, схемы страхования, налоговые льготы).

Все три измерения по Б. Тернеру (класс, статус, стиль), взаимосвязаны. Например, культурный стиль жизни в немалой степени определяется экономической классовой позицией и гражданскими правами индивида. И вместе с тем, гражданство, класс и стиль жизни обладают автономией.

Такое толкование социальной структуры (7) позволяет проанализировать сложившееся стратификационное поле и в современной России, избегая слишком прямолинейных и, соответственно, не всегда адекватных реальной ситуации, марксовых положений о классовой структуре общества. И действительно, Россия сегодня уже не та страна, в которой можно определить классы, имущественное и идейное противоречия между которыми являются движущими силами экономического, государственного, социального развития.

Действительно, принятая конституция в России не проливает свет на социальные различия своих граждан, наделив всех именоваться одним емким понятием - «гражданин России». При разработке действующей конституции не были учтены те социальные коллизии, что привели нашу страну за последние годы к той ситуации, которую именуют не иначе как «переходный период». Каков временной интервал этого «переходного периода» и к чему он приведет - однозначно предсказать трудно. Но в контексте теории социальной стратификации, по мнению социолога Л.Г. Ионина, переход может быть понят как «декомпозиция классовой структуры общества» (8). Л.Г. Ионин среди «нечеткости» и «смазанности» социально-классовых позиций в изменяющемся российском обществе выделяет ло-

гику перемен, заключающуюся в возникновении «новой структурной организации, основанной не на вертикальном, а на горизонтальном членении» (9). Это, в первую очередь связано, с плюрализацией жизненных и культурных форм. Пример можно привести с «картой социального расслоения» (10), предложенной социологом Л.Р. Низамовой. Выделение в социальном пространстве культурного, символического, социального полей и форм капитала, наряду с экономическим и политическим полями, усложняет картину социальной дифференциации, но вместе с этим позволяет точнее разметить данную «карту» с учетом распределения различных форм капитала. Так, например, если принимать в расчет распределение только экономических ресурсов (владение собственностью, размер доходов, наличие материальных привилегий и льгот), то подавляющая часть интеллигенции или специалистов, занятых умственным трудом высокой квалификации, должна быть отнесена не столько к средним классам, сколько к низшим слоям населения, занимающим позиции более низкие, чем отдельные отряды рабочих. При этом за рамками обсуждения оказываются такие социальные ресурсы, как культурный, символический, социальный капиталы, имеющиеся в распоряжении профессионалов. Сегодня работающих по найму у государства профессионалов все реже относят к интеллигенции и все чаще называют просто «бюджетниками», но образование, языковая компетенция, ученые звания, интеллектуальные квалификация и мастерство являются тем ресурсом, который уже имеет рыночную стоимость и может в условиях рыночного хозяйства обеспечить «жизненные шансы» специалистов (врачей, преподавателей, юристов и др.) на достойном (как правило, среднем) уровне.

Тем не менее, взяв за основу рубеж 1917 года (с показателями России, достигнутые на 1913 год) и полагая, что это было некое досовременное (домодерное) государство, можно констатировать, что в нем были пять узаконенных сословий: дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство. История становления этих сословий не была столь проста для России, это становление сословий не протекало спонтанно. В условиях монархического строя становление сословий происходило как факт наличия современного (по тем временам) государства в отношении к гражданскому населению и фиксировалось на уровне реформ и последующих узаконенных изменений к ним.

Само понятие (термин) «сословие» не было однозначно определено. В целом под ним понимали, что это некая группа подданных, «узаконенная своим юридическим положением», которое каким-либо образом отличает их от остального населения. Понятие «сословие» в последствие различали с понятием «класс». Различие между классами существует по имущественному положению, а под сословием, как правило, понимали да и до сих пор понимают те же имущественные классы, но уже признанные государством и получившие от него различные, переданные по наследству, права. Роль правительства в создании сословий наиболее четко прослеживается в истории России.

Однако, сами сословия не были некоей выработанной раз и навсегда «законными своим юридическим положением» группами. Так, например, реформы Екатерины II дали основу четырем сословиям «главных рода людей»: дворян, духовенство, городских обывателей и сельских обывателей. Сословия Екатерины II были построены на принципе наследственности сословных прав и на начале корпоративной организации каждого сословия. Известно, что в процессе XIX века были существенно видоизменены не только сами сословия, но и их юридический статус. Произшедшие изменения в обществе привели к тому, например, что «дворянство личное, личное почетное гражданство, купечество и духовное состояние стали не наследованы, а духовное состояние и купечество даже не пожизненны». Не обрели востребования и корпоративные начала для сословий.

Как исторический факт известно, что все изменения внутри сословий, а они, в свою очередь, были разноуровневыми, производились от имени монарха и готовились Правительствующим Сенатом, его различными департаментами, на основе сведений и материалов, собираемых из губерний.

Становление советского государства началось с того, что сложившиеся сословия были отменены как ничемные и на щит была поднята теория социальных классов и классовой борьбы с последующими ее ортодоксальными и идеологизированными версиями и трактовками классика: идеи бесклассового общества в условиях «зрелого социализма», становления социальной однородности и т.п.

В 1990-х Россия была провозглашена демократической страной и в соответствии с данной декларацией общество по конституции стало бесклассовым, а его члены - равноправными гражданами. Само собой разумеется, что при этом проблемы его стратификации не исчезли. За реальными процессами расслоения наблюдают социологи и выдвигают свои концепции.

При этом проблемой чрезвычайной важности нам представляется следующий вопрос. Да, всякое демократическое государство обязано провозгласить равенство всех перед законом, равные права и свободы. Означает ли это, что автоматически государство отказывается от функции формирования социальных структур, или, иными словами, от задающей социальную структуру функции?

Необходимо понимать, что в период кардинальных экономических перемен, затянувшегося реформирования, в условиях падения объемов производства, снижения уровня и качества жизни населения и многих других факторов, роль государства в формировании стратегии становления новой социальной структуры остается, как никогда, актуально важной и значимой.

Когда общество претерпевает кардинальные перемены и находится на перепутье, когда процесс реформирования растягивается во времени и становится перманентным и хроническим, представление о социальной

структуре, как процессе, является более уместным и адекватным реальной социальной практике. Перенесение фокуса социального исследования на динамику формирования новых социальных групп, на ход борьбы, конкуренции и противостояния интересов отвечает устремлениям российского социологического сообщества. С другой стороны, все отмеченные процессы накладывают особую ответственность на государство в области его политики, направленной на регулирование становления социальной структуры российского общества.

Тезисы о «конце социальных классов», «конце стратификации», сформулированные впервые учеными развитых западно-европейских индустриальных стран, были отражением того несомненного факта, что в период после второй мировой войны был достигнут качественно новый уровень материального благосостояния населения, экономической продуктивности, жизненных стандартов. Потребительство и потребительская культура становятся наиболее важным и увлекательным предметом обсуждения. В связи с этим, изучение отношений производства, распределения собственности, классовой стратификации дополняются и даже несколько оттесняются в сторону исследованиями статуса, стилей жизни, отношений потребления, потребительских вкусов и предпочтений.

Индивидуализация стиля жизни и расширение спектра культурных и социальных практик в России происходит в иной экономической ситуации - в условиях падения объемов производства, увеличения импорта зарубежных товаров, снижения уровня и качества жизни населения, следовательно, является вынужденной по своему характеру и служит адаптации и выживанию в новой социокультурной среде. Однако развитие рыночной экономики в современном российском обществе происходит на фоне воспроизводства старой редиистрибутивной (перераспределительной) системы хозяйства, в которой главной осью являются не производственные отношения и рынок труда, но сфера распределения и потребления. Таким образом, дифференцирующими факторами являются как отношения собственности, так и потребительское поведение индивидов.

Отмечено, что самые высокие возможности и, одновременно, амбиции, устремления имеют представители среднего класса и средних слоев, в особенности «нового среднего класса». Однако специалисты и «профессионалы» (работники умственного труда) испытывают сегодня серьезные перегрузки и находятся в жестких социальных тисках. Обесценивание культурного капитала, низкие доходы «профессионалов»-бюджетников, рост безработицы среди женщин-специалистов, «утечка мозгов» и нестабильность занятости в негосударственном секторе не позволяют спешить с выводами о формировании среднего класса и богатстве возможностей для реализации его стилизационного потенциала.

Тенденция диверсификации и индивидуализации жизненных стилей и форм в условиях ситуации современной России является одной из сторон процесса маргинализации социальной структуры, который начался не в середине 1980 годов, а много раньше, и продолжается теперь в несколько

изменившихся формах. Маргинализация, понимаемая как ослабление и разрушение классовых и культурных связей и идентификацией, как консервация переходного и пограничного состояний социальных субъектов, не является ценностно нейтральным термином, так как отражает заданность, несвободу действий индивида и социальное неблагополучие общества.

Социальная стратификационная картина современной России может быть представлена посредством углубленного социального анализа. Ее границы размыты, но, тем не менее, просматриваемы и поддаются некоторой дифференциации по признакам, характерным для исторически сложившихся сословий в России.

Так, исходя из того, что большинство граждан России проживает в городских условиях и подразделяются по профессиональному признаку на множество страт - они могли бы образовать одно сословие - горожане (прежнее, дореволюционное название, мещане).

Другая менее малочисленная группа граждан России, проживающая на селе и по профессиональным признакам занятая в сельском хозяйстве, могли бы составить другое сословие - крестьянское, состоящее из гораздо меньшего числа страт, чем горожане (мещане): крестьян, работающих в коллективных хозяйствах; крестьян, работающих на приусадебных участках; фермеров; граждан, занятых в сфере обслуживания перечисленных страт.

Третья группа граждан России: промышленники, производители, банкиры, чиновники разных рангов, купцы - могли бы составить свое сословие, например, предпринимательское (почему бы его не именовать, как и прежде, купечество). Это сословие также могло бы состоять из разных по статусу страт.

Четвертое сословие - духовенство.

Пятое сословие: оно образуется по принципу определенных достигнутых гражданами России заслуг перед государством. В него может быть причислен любой гражданин, обладающий образованием не ниже, например, кандидата наук и ставший высококвалифицированным специалистом профессионалом. Или: из военнослужащих в ранге старших офицеров (например, со звания подполковника и выше). Или: это могут быть граждане, награжденные орденом (орденами), удостоенные государственных званий и других значимых заслуг перед государством. Причисление к этому сословию должно сопровождаться по личному прошению гражданина России, с рассмотрением заявления на уровне областного депутатского собрания этого сословия, с последующим утверждением в российском правительственном органе и жалованным в это звание указом президента. Это сословие должно иметь звучное название. Было бы уместно его называть, например, дворянством. В принципе, это сословие могло бы иметь так же несколько значимых страт, дифференцируемых заслугами перед государством. Граждане, введенные в звания этого сословия указом президента, могли бы обладать ими не только пожизненно, но даже получать

и наследственные функции, при условии повторения законными смежными потомками заслуг предков (хотя бы, как минимум, в образовательном цензе).

Для каждого из сословий должны быть разработаны и узаконены определенные положения. Они должны быть гибкими и отражать происходящие со временем социальные преобразования в России посредством внесения в положения корректировок в узаконенной форме. Все сословия представляют выборные легитимные органы во всех равноправных субъектах Российской Федерации. Они занимаются вопросами, связанными с жизнедеятельностью сословий, начиная от общих, организационных, до реализации статьи 7, п.п. 1, 2 главы 1 (раздел первый) Конституции РФ. Их деятельность корректируется соответствующими «департаментами» сословий в правительстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. **Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.** Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. - Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1997. С. 322, 323.

СТРАТИФИКАЦИЯ. Социальные различия становятся социальной стратификацией, когда группы людей выстраиваются иерархически вдоль некоторой шкалы неравенства, которое может выражаться в различии доходов, состояний, власти, возраста, этнической принадлежности или посредством какой-нибудь другой характеристики. Представители различных *страт*, соответствующих различным уровням стратификационной иерархии, обычно схожими *жизненными шансами* и *жизненными стилями* и могут обладать коллективной идентичностью, чем и отличаются от представителей других страт. Социологи, как правило, выделяют три основных типа социального расслоения: кастовую, сословную, и классовую стратификации. При этом предметом дискуссий является проблема универсальности стратификации.

2. Там же. С. 174, 175.

МОДЕРН. Термин, описывающий специфические черты современных обществ. Значительная часть социологических исследований основывается на признании четкого разделения между досовременными (домодерными) и современными (модерными) обществами. Модерн как эпоха выделяется с точки зрения экономики, политики, культурных и социальных отношений. Общество модерна обычно имеет индустриальную капиталистическую экономику, демократическую политическую организацию и социальную структуру, основанную на делении на социальные классы. Более спорными представляются культурные основания выделения общества модерна. В этой связи часто говорят о тенденции к фрагментации опыта людей, коммодификации (обретении товарной формы) и рационализации всех аспектов социальной жизни, а также об ускорении темпа обыденной жизни.

МОДЕРНИЗАЦИЯ. В американской социологии теория модернизации была господствующей аналитической парадигмой объяснения глобального процесса, в ходе которого традиционные общества достигают состояния модерна. (1) Политическая модернизация предполагает развитие определенных ключевых институтов - политических партий, парламента, избирательного права и тайного голосования - способствующих принятию решений на основе участия населения. (2) Культурная модернизация обычно выливается в *секуляризацию* и развитие националистических идеологий. (3) Экономическая модернизация, отличающаяся от индустриализа-

ции, связана с глубокими экономическими изменениями - растущим разделением труда, использованием методов менеджмента и усовершенствованной технологии, а также развитием благоприятных условий для коммерции. (4) Социальная модернизация предполагает рост грамотности, урбанизацию и упадок традиционного авторитета. Все эти изменения рассматриваются с точки зрения растущей социальной и структурной дифференциации. Критики теории модернизации указывают на то, что (1) она основывается на опыте развития западных обществ и поэтому является моделью развития, основанной на *этноцентризме*; (2) модернизация не обязательно ведет к подъему индустрии и равномерному распределению социальных благ, поскольку представляет собой неравномерный процесс, порождающий зависимое развитие и зависимость. В рамках альтернативного марксистского подхода к модернизации подчеркивается значение негативных аспектов модерна для традиционных обществ.

3. Там же. С. 321.

СТАТУС. В социологии это понятие используется двояко. (1) Р. Линтон определял статус просто как позицию в рамках социальной системы, такую как «ребенок» или «родитель». Статус означает то, чем является человек, тогда как тесно связанное с ним понятие роли относится к поведению, ожидаемому от людей, обладающих каким-либо статусом. (2) Понятие статуса используется также в качестве синонима чести и престижа, когда социальный статус обозначает позицию человека относительно общественно признаваемой шкалы статусов или иерархии социального достоинства. М. Вебер использовал понятие *статусной группы* в качестве отличного от класса элемента социальной стратификации для характеристики определенных коллективов, которые выделяются из других групп в обществе посредством социально определяемых критериев статуса, таких как каста или этническая принадлежность. См.: Вебер; Класс; Престиж; Статуса противоречивость; Стратификация.

4. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. № 5. 1994. С. 149-152.

5. Там же.

6. Turner B. Status, Open Univ. Press, 1988. P. 66-67, 69.

7. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / Пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. - Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 1997. С. 299.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. Несмотря на то, что в социологии это понятие используется постоянно, более или менее подробный его анализ встречается редко. Социальная структура определяется как всякая повторяющаяся модель социального поведения. Однако для большинства социологов при таком определении наряду с существенными сторонами поведения людей социальная структура может включать и поведение тривиальное. Предпочтение отдается в основном тому подходу, при котором социальная структура связывается с существованием продолжительных, упорядоченных и типичных связей между элементами общества. Основанное на таком подходе определение социальной структуры подталкивало некоторых социологов XIX в. к сравнению общества с машиной или организмом. Существует определенное разногласие относительно того, что следует при этом считать «элементом» общества. Например, А.Р. Радклифф-Браун понимал социальную структуру как общие закономерные отношения между элементами в виде отдельных людей, а для С.Ф. Нейдла элементами являлись роли. Значительная часть социологов, в частности функционалисты, в качестве элементов социальной структуры предлагают рассматривать *социальные институты* как организованные образцы социального поведения. На основании этого функционалисты определяют общест-

во с точки зрения функциональных отношений между социальными институтами. Для функционалистов социальные институты выступают в качестве элементов социальной структуры еще и потому, что они являются функциональными предпосылками.

Социологи, как правило, предпочитают использовать понятие социальной структуры с целью объяснения чего-либо еще, что обычно означает причинность объяснения. При таком подходе могут возникать определенные трудности, поскольку социальная структура является не непосредственно наблюдаемой реальностью, а скорее абстрактной формулой. Кроме этого есть и другие проблемы связанные с использованием понятия «социальная структура», которые привели к его критике. Социальная структура критикуется как понятие овеществленное, как ненаблюдаемый и, следовательно, неверифицируемый феномен. В этом понятии заложено также отрицание человеческого творческого начала и свободы, поскольку оно наводит на мысль о детерминированности человеческого действия структурами. Можно, однако, дать ответ на эту критику, продемонстрировав то, как это сделали П. Бергер и Т. Лукман, каким образом социальные структуры сами конструируются в процессе человеческой деятельности.

8. *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура / Современные социологические теории. Диалог между Россией и Западом. Международный теоретический семинар: Социологические исследования. № 2, 3. 1996.

9. Там же.

10. *Низамова Л.Р.* Социальная дифференциация в современной России: от неклассового состояния к постклассовому? Социальное знание: формации и интерпретации / Материалы международной научной конференции: Ч. 2. Казань: Изд-во «Форт-Диалог», 1996. С. 129-141.